

Тобольский государственный
педагогический институт
имени Д. И. Менделеева

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Выпуск 2

ТОБОЛЬСК 1992

П. В. ВОЛКОВ

ОРУДИЯ ДЛЯ МАССОВОЙ ОБРАБОТКИ РЫБЫ (экспериментально-трасологические исследования)

Берега рек амурского бассейна издревле были мест поселения человека. Большой комплекс верхнепалеолитских стоянок обнаружен археологами на террасах у истоков по реке Селемджа (1). Переходную эпоху мезолита представляют памятники осипровской культуры (2). Следы поселений этого времени во множестве встречаются близ современного Хабаровска. В неолите территория заселяется племенами громатухинской, повопетровской, кондонской культур (3). В более близкое к нам время на берегах реки стояли поселки айнов, гиляков, нивхов, гольдов и др. народов.

Жизнь людей у огромных, обильных рыбой рек заметно отличалась от быта таяжских охотников. Река была, пожалуй, главным источником пищи, причем источником достаточно необычным. В период нерестового хода лососевых рыба шла по реке в столь огромных количествах, что по описанию очевидцев «местами в ней совершенно не было видно дна реки» (4). Несколько дней энергичной работы по заготовке рыбы позволяли жителям обеспечить себя питанием практически на весь год. Столь своеобразное рыболовство являлось экономической основой оседлого населения обитавшего на Среднем и Нижнем Амуре, в Приморье (5).

Практические способы ловли были достаточно разнообразны, но сравнительно общим в работе людей в период массовой заготовки речных продуктов была обработка рыбы для ее консервации на длительное время. Рыба коптилась, вялилась, солилась, «силосовалась» в специальных ямах. В большинстве случаев требовалась предварительная обработка улова: потрошение, расчленение, иногда снятие кожи. Важно отметить, что подобные операции с рыбой необходимо было сделать в достаточно короткие сроки, — именно в жаркие дни массового лова. В работах участвовало все население поселков, но обработкой рыбы на берегу занимались преимущественно женщины. Главным орудием инструментом для разделки и обработки рыбы был так называемый гиляками «чочаува», — женский или «рыбный нож» (6).

Стихийный ход рыбы «продолжался весьма недолго, иногда всего 6—8 дней» в период с 20 августа по 20 сентября (6). Поэтому способы обработки улова и используе-

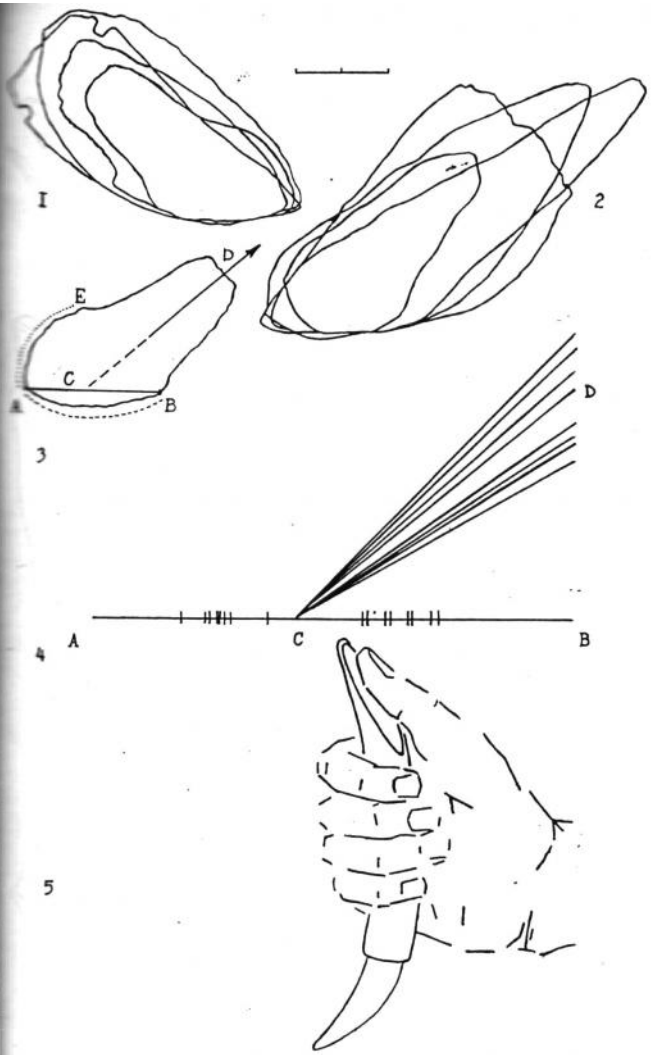

Рис. I

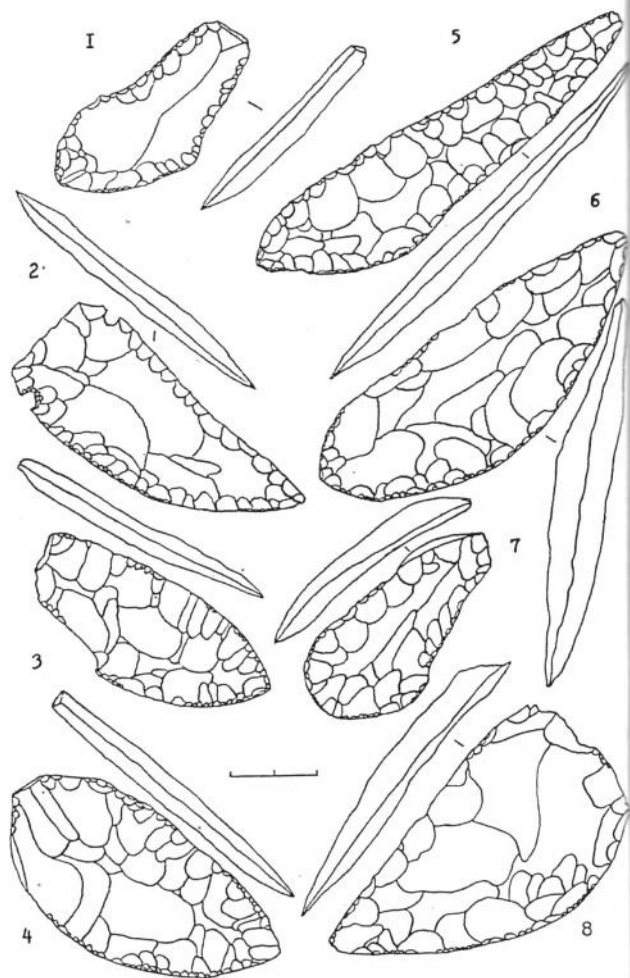

РИС.2

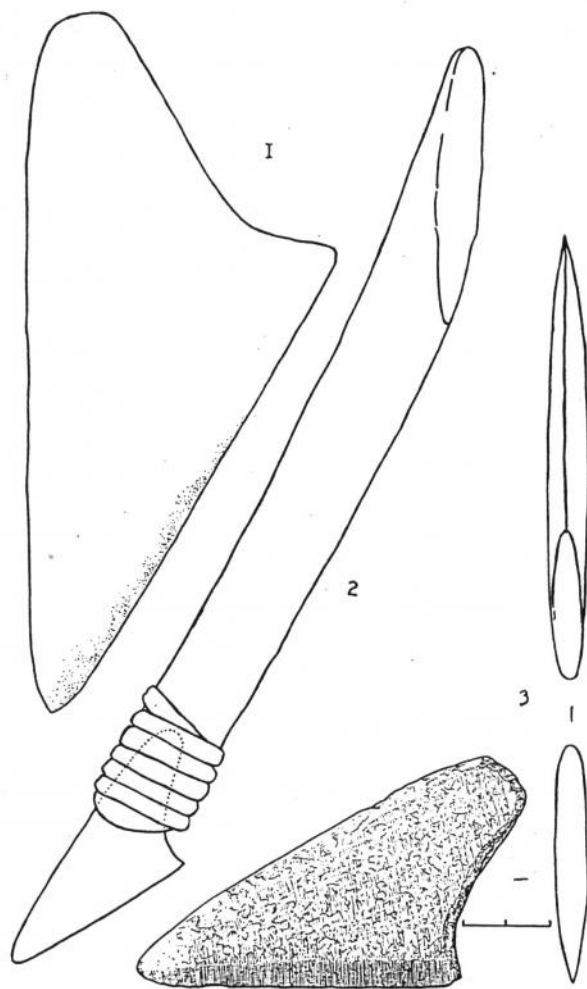

РИС.3

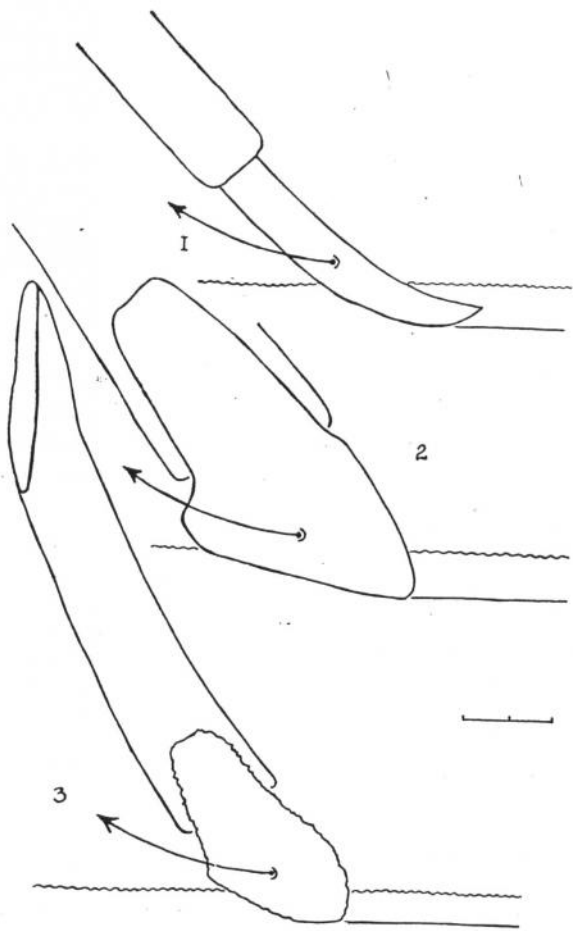

РИС.4

ные орудия были рассчитаны на спешность. Отразилось это на специализации самих инструментов и их форм. Этнографами зафиксировано существование у гиляков двух типов ножей: мужские, универсальные, рассчитанные на хозяйственные работы по дереву, для охотничьих нужд (рис. 1—3), и специализированные, весьма характерных очертаний, рыбные разделочные или «женские» ножи (рис. 1:1, 2, 4). Последние отличны формой рукоятки, клинка и способом держания инструмента при работе (рис. 5—5). Именно в таком положении возможно эффективное использование орудия, объяснима необычность изгиба лезвия и рукоятки ножа.

Наблюдения очевидцев дают возможность представить процессы добычи рыбы в период ее массового хода. Но способы обработки улова наиболее детально описаны в трудах Л. Шренка (7). «Кожу на рыбе во всю длину последней, от головы до хвоста, с обеих сторон надрезывают вдоль хребта и вдоль брюха». У головы делается еще и поперечный разрез. «Затем быстрым движением рук сдирают кожу с боков, а обнаженное таким образом мясо в свою очередь в виде двух пластов отделяют от хребта». Каждый из пластов разрезался по длине еще на две части и через небольшой надрез зашивался на веревку для сушки. Очень близки способы разделки рыбы и перед ее укладкой в специальные ямы для «звращения». Кинематика ножа в работе при всех способах резания аналогична.

Применение «женского» специализированного ножа заметно убыстряло работу. Форма лезвия при такого рода деятельности представлялась, вероятно, оптимальной и заметно более удобной, чем прямое лезвие универсального, «мужского» ножа.

Среди находок поселения янковской культуры на мысе Песчаный, близ Владивостока отмечаются своеобразные шлифованные каменные ножи, один из которых представлен на рис. 3. Трасологический анализ изделия позволил достаточно уверенно определить его как рыбный нож. Сделана и предварительная реконструкция его крепления в рукоятку. К функциональному типу разделочных ножей по рыбе можно отнести и лавролистные двустороннеобработанные, асимметричные в плане клинки громатухинской и осиповской культуры (8), коленчатые ножи с неолитических памятников амурского бассейна, некоторые находки с верхнепалеолитических стоянок на реке Селемджа и др. При «формально-морфологическом» несхождении всех данных инструментов их объединяет не только функциональное назначение. Для всех

орудий характерна своеобразная коленчатость. Между длинной осью рукоятей и линией основного рабочего края инструмента образуется тупой угол порядка 130—150 градусов. Рабочий край, как правило, оформляется приостряющей ретушью, почти всегда немного выгнут во внешнюю сторону. В некоторых случаях нож может иметь несколько рабочих участков (как, например, у «горбчатых ножей» охотской культуры или «лавролистных клинков»), но во всех случаях характерно положение реконструируемой рукояти по отношению к плоскости обрабатываемого материала (рис. 2). Представленные образцы инструментов (рис. 4) взяты из коллекций памятников с различных территорий Дальнего Востока: коленчатый нож (1) и лавролистные клинки (4, 8) с поселения Громатуха (река Зея), неолитический нож с Алеутских островов (2), инструменты со стоянки Тетюхе в Приморье (3; 6), мезолитический нож осиповской культуры (район города Хабаровска) (5) и один из наиболее древних образцов — коленчатый нож с верхнепалеолитической стоянки Усть-Ульма на реке Селемджа (7). Силуэтные абрисы этих изделий на рисунке 5—1, 2 наложены друг на друга так, что совмещенными оказались основные рабочие участки инструментов. Очевидное сходство используемых конструктивных схем, с определенной долей допуска, можно проследить на всех данных изделиях и считать это своеобразным идентифицирующим признаком.

Трасологический анализ рыбных ножей показал, что орудия данного функционального типа, как правило, имеют две зоны изношенности. Основным лезвием служил участок А—В (рис. 5—3), вспомогательным — А—Е. Линия С—Д указывает направление длинной оси рукояти инструмента. Результаты замеров изделий (представленных на рис. 4) показаны на графике (рис. 5:4). Совмещения произведены по линии А—В и в точке С, при измерениях, сделанных по указанной выше схеме (рис. 5—3). График иллюстрирует близость конструктивных особенностей рукоятей: все они крепились под характерным углом по отношению к линии основного рабочего края.

Следы износа орудий обычно располагаются не по всей длине оформленного специальной ретушью рабочего участка инструмента. На рисунке 3:1 точечной зоной показаны места износа на шлифованном ноже с поселения Мыс Песчаный. Аналогично распространение заполировок и на лезвиях орудий других морфологических типов. Это своеобразие в локализации следов, их наибольшая концентрация у даль-

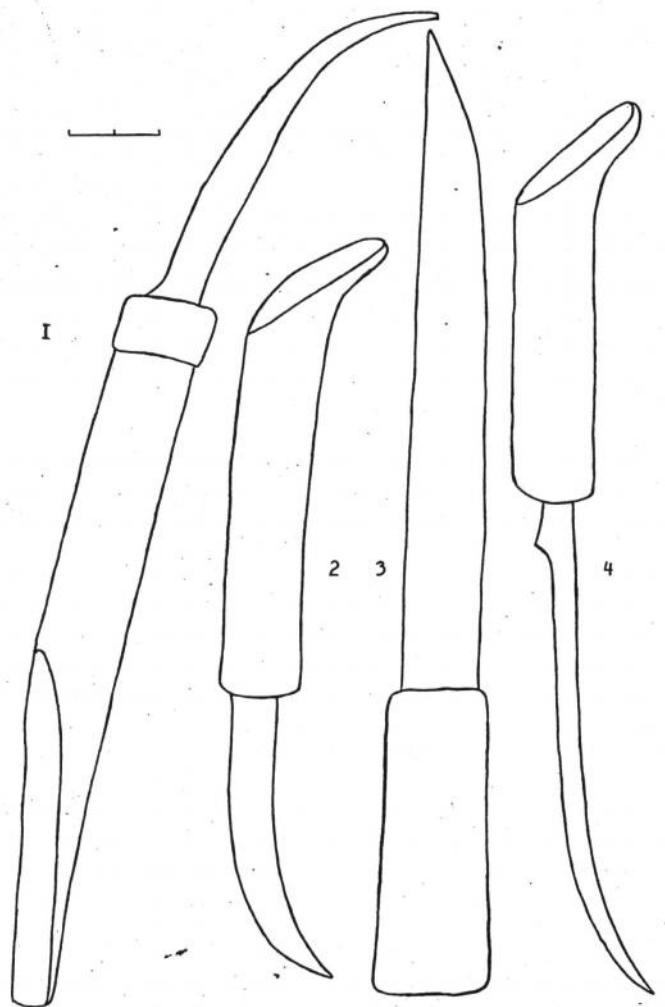

РИС.5

Рис. 6 ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАЗДЕЛКА РЫБЫ

ного от рукоятки края объяснима особенностями кинематики инструмента (рис. 2; 3—1) и может быть одним из комплекса трасологических признаков специализации ножа.

Вероятно, что тип коленчатых ножей мог быть одним из первых инструментов, специализированных для выполнения весьма конкретных операций. Необходимость разделения труда при заготовке рыбы в период ее массового хода обусловила создание этих специальных орудий. Возможно, что этот тип ножа и в глубокой древности имел определенное, как это принято у более современных народов, наименование.

Обнаружение изделий этого типа в коллекциях памятников, исследуемых археологами, является ярким индикатором существования в то время такой отрасли хозяйства, как рыболовство. Рыбные разделочные специализированные ножи могут быть свидетельством ориентации древнего хозяйства на добычу значительной доли пропитания именно в период сезонного нерестового хода рыбы.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. ДЕРЕВЯНКО А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск, 1983.
2. ДЕРЕВЯНКО А. П., ВОЛКОВ П. В., ГРЕБЕНЩИКОВ А. В. Палеолитические комплексы Баркасной Сопки на реке Селемдже // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 73—82.
3. ОКЛАДНИКОВ А. П., ДЕРЕВЯНКО А. П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
4. ОКЛАДНИКОВ А. П., ДЕРЕВЯНКО А. П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
5. ОКЛАДНИКОВ А. П. Древнее поселение Кондон. Новосибирск, 1983.
6. ДЕРЕВЯНКО А. П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970.
7. АРСЕНЬЕВ В. К. В дебрях Уссурийского края. Хабаровск, 1938. С. 284.
8. ДЕРЕВЯНКО А. П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970. С. 170.
9. ШРЕНК Л. Об инородцах Амурского края. Том 2, СПб, 1899. С. 116.
10. ЛОПАТИН И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922. С. 128.
11. ШРЕНК Л. Об инородцах Амурского края. Том 2, СПб, 1899. С. 116.
12. ВОЛКОВ П. В. Ножи в коллекции громатухинской культуры. // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986. С. 169—184.